

III

Часть Запада на Востоке

Когда оказались финнами

«Мы не шведы, русскими мы стать не можем, так будем же финнами!» Этот всем известный лозунг обыкновенно приписывают А.И. Арвидссону, хотя, как выяснил, например, Макс Энгман, эта честь принадлежит графу Г.М. Армфельту. Но мало того, что финны сами решились стать финнами. Цитируемый М. Энгманом А.Ф. Пальмгрен писал, что сам «император хочет сделать нас счастливыми и настоящими финнами».

Что это означало на практике, оставалось тогда, в начале XIX в., еще неясным. Густаф Мауриц Армфельт писал в 1811 г. о некоторых соотечественниках, называя «*canaille* тех, кто не желают быть финнами, но считают себя русскими или шведами и тем самым отказываются от собственной родины». «*Canaille*» в языке того времени было исключительно сильным выражением, и его использование в отношении благородного человека могло повлечь наложение судом значительных штрафов. Что тогда вытекало из требования «считать себя финнами»? Разумеется, под этим имелся в виду отказ от шведской идентичности, но тогда еще оставался вопрос, как следует относиться к этническим русским и русскому языку или к настоящим этническим финнам и финскому языку. Те господа, которые сменили свою идентичность, были, конечно же, шведоязычными.

Во всяком случае, Александр I создал рамки для финского патриотизма, который обладал собственным своеобразием. Великое княжество дало своего рода государственное бытие новой национальной единице, в которой русский был почти неизвестным языком, шведский — исключительно разговорным языком интеллигенции, а финский — языком простонародья, который господа во многих случаях понимали только при помощи переводчика.

Но каково было отношение финнов к России и чем оно стало? В начале периода автономии с готовностью признавали, что финны жили в России, которая в Финляндии выступала, прежде всего, в образе императора, долг признательности и уважения вызывался добрым и благородным обращением. Однако финны не «могли стать» русскими, не желали этого, вне зависимости от того, говорили ли они по-фински или по-шведски. На чем основывались антипатия и страх?

В своем превосходном исследовании Кати Катайисто пишет о «проведении отличия от варварской России». Для исследователя более поздних времен может оказаться неожиданным, что прославлявшую в XVIII в. философию просветителей Россию еще в начале следующего столетия считали «варварской» даже в кругах шведского дворянства, у которого за границей было немало как немецких, так и знавших шведский язык образованных братьев по сословию, и которое, кроме того, издавна следовало традициям французского Просвещения, как и его говорящие по-русски братья по сословию.

Речи о «варварстве» России были, во всяком случае, в то время, нормальным явлением, и это интересовало даже Наполеона, у которого, правда, для этого имелись собственные причины, и который как военачальник определенно подбрасывал в этот стеклянный шкаф камни.

Как следует из книги Катайисто, дворяне видели в России недостаток свободы и «азиатский» деспотизм. В 1808 г. многие из шведских офицеров считали за лучшее умереть, чем стать русскими. Так думал даже Густаф Мауриц Армфельт, который, правда, вскоре изменил свое мнение. Георг Магнус Спрентгпортен сделал выбор в пользу русскости еще ранее, но его ненавидели и презирали повсеместно, как показывает в своей книге Катайисто. Материалы Катайисто позволяют также понять, как много вкладывали в сохранение «свободы». Особый восторг вызвало благородство российского императора, когда он воздержался от положения

деспота в Финляндии и позволил финскому дворянству остаться гражданами. Тем самым «свободные мужи Швеции», не утратив своей чести, могли приобрести новую родину как граждане Финляндии в подданстве императора.

Когда Александр еще воссоединил с новым «Финляндским государством» Старую Финляндию, т. е., если так можно выразиться, вернул ему Карелию, появились основания для цитируемого Катайисто высказывания К.Ю. Валлена: «То, что только что завоеванная страна смогла испытать от российской власти, не имеет примеров в мировой истории, и подобных примеров, пожалуй, никогда и не будет».

Не считая увлеченности императором и почитания его, которые можно назвать просто поклонением, отношение к России сохранялось, однако, резко отвергающим. На этом сказывались те бесчисленные войны, театром которых становилась Финляндия в историческое время. Русофобия как таковая ни в коем случае не была в 1917–1918 гг. новостью, а скорее давней финляндской традицией. На протяжении столетий можно найти немало свидетельств в исторических источниках. Герб Финляндии — отнюдь не случайный образ борьбы Востока и Запада. Геральдический пафос являет нам попирающий восточную саблю победоносный Запад, но действительность была более мрачной. У воинской славы, кроме того, имелась тогда также горькая цена. Другое дело, что отношения между финнами и русскими в 1800-е гг. нельзя называть «ненавистными». Скорее всего, речь шла об отчуждении. Граница все еще разделяла стороны как в физическом, так и в культурном отношении. На финляндской стороне границы поддерживался также страх, и уничтожение дающей защиту границы было самой ужасной из картин.

Страх и неприятие, направленные на Россию и все русское, были, в целом, неопределенными и не анализируемыми. Повествующая о насилии традиция сохраняла их и связанные с ними представления о бесправии простого народа и произволе господ в России, которые имели во многом более острые формы, чем в Финляндии. Православная вера, которая оказывала свое влияние на многих уровнях, выделяя финнов-лютеран в собственный жизненный круг, являлась важным разделяющим фактором, который также препятствовал бракам, хотя и не делал их невозможными.

В Финляндии осознавали, что это новое и во многих отношениях ранее не слыханное выгодное положение, которое Великое

княжество получило по милости императора, было по природе своей уязвимо. Отношения с Петербургом были вопросом судьбы Финляндии. Они должны были осуществляться на самом высоком уровне и удерживать российскую бюрократию вдали от финляндских дел. Поэтому о Финляндии нельзя было слышать, с точки зрения монарха, ничего плохого или сомнительного.

В этом великолепно преуспевали на протяжении десятилетий. Финские бюрократы были святее папы римского, и жесткая цензура не позволяла винить в бедах страны Петербург, лишь нашу собственную «реакционную» бюрократию. Все попытки сопротивляться ограничениям свободы, не говоря уже о либеральных или напоминающих движение за независимость идеях, резко отвергались со всех сторон, т. к. осознавали, что подозрение монарха может привести к утрате всего. Польша в этом отношении была хорошим примером и наглядным уроком. Более мудрым было бы, скорее, послать своих немногочисленных солдат подавлять восстание в Польше и решительно отвергать домогательства анархиста Михаила Бакунина, чем предпринимать что-то, пассивно или активно сопротивляясь тем политическим направлениям, о которых было известно, что их поддерживает император. В этой политике можно увидеть прообраз линии Паасикиви и Кекконена. Паасикиви сам поддерживал эту тактику еще во времена автономии и после Второй мировой войны оживил старые принципы.

Во второй половине XIX столетия в Финляндии возникает четкое разделение по вопросу, что означает быть «финнами». Численно возросшая группа считала, что речь должна идти об учете интересов говорившего по-фински большинства народа. Небольшое, но очень влиятельное меньшинство верило в собственную шведоязычную культуру, и благополучие ее носителей было для них достаточно благородным делом в качестве государственной цели Великого княжества.

Как известно, во времена Александра Второго, а частично и ранее, русские начали поддерживать движение фенноманов, которое рассматривалось как противовес господству шведоязычного класса, лояльность которого в принципе считалась спорной. Правда, Швеция входила в число первых государств Европы, хотя ее мощь после XVIII столетия и пошла на убыль. Шведы, бесспорно, были культурным народом, создавшим государство. На деле общим мнением было то, что именно они, под именем варягов, основали также и Русское государство.

Финские племена, напротив, никогда не создавали государства, что можно считать научным фактом, и вывод о неспособности финского народа в этом отношении казался бесспорным. Николай Данилевский и некоторые другие славянофилы открыто провозглашали эту мысль и заявляли, что финны сами по себе были в истории «этнографическим материалом», вспомогательным материалом для создающего более высокую культуру народа. Такими народами были как шведы, так и русские, но Швеция как маленькая страна не могла позволить финнам этнографическую самостоятельность, в отличие от России. Поэтому в интересах финнов быть благодарными России, в единстве с которой находятся все другие финно-угорские народы, за исключением далекой венгерской ветви.

Воодушевленное Снелльманом движение фенноманов отнюдь не разделяло такого мнения, но с радостью ухватилось за протянутую русскую руку и вступило в борьбу против особых прав высшего, говорившего по-шведски класса. В то же время яростно осуждали все возможные отклонения от строгой верности императору. К этому проявили склонность шведоманы как уже во время Крымской войны, так и позже во многих других отношениях, в частности во время афганского кризиса 1885 г., когда, как казалось, была угроза войны между Россией и Англией.

Под руководством Снелльмана движение фенноманов одержало красивые победы, и уже в 1863 г. в монаршем рескрипте было дано обещание в течение двадцати лет уравнивать в правах финский язык со шведским. Это в те времена было весьма радикальной идеей и ее осуществление вызвало бурные страсти.

Со стороны немногочисленного финского дворянства отторжение русского духа было в XIX в. явно гораздо меньшим, чем у других слоев общества. В многонациональной России высший класс был космополитическим, и особенно немцы, хотя в большинстве они и были лютеранами, чувствовали себя в ней как рыба в воде. Выгодные должности в России и предлагавшиеся в ней возможности для коммерческой деятельности были для многих финских «соотечественников» нестерпимым искушением. Российская аристократия, «высший свет», была намного более роскошной, чем родное финское дворянство, убогий образ жизни которого удивлял Фаддея Булгарина во время Финляндской войны.

Очевидно, что Россия была для образованных финнов соблазном, искушением. Что плохого было в том, чтобы поставить свои способности на службу государству, к которому *ipso facto* в любом

случае принадлежали? Почему плохо учиться русскому языку и русским обычаям? Источники предлагают достаточно свидетельств того, что этого избегали. В диссертации Кари Кетола убедительно показано, насколько экзотичным было отправиться в Россию учиться русскому языку и насколько суровое неодобрение и подозрения в оппортунизме это вызывало на протяжении всего периода автономии.

Кроме того, сказывалось вышеупомянутое ужасавшее представление об окончательном смещении, «утоплении в море народов России». С этим определенно напрашивались коннотации о более низкой ступени развития российского общества, царивших в нем произволе, нецивилизованности, непристойности и лживости. Это были давние клише, которые и в России отлично знали и еще знают. В то время было обычным, то что вокруг виделось, объяснять вытекающим из существа дел. Русский не мог читать, потому что он был русским; по той же самой причине финн не мог основать государства, потому что был финном; или женщина не могла выбрать свободные профессии, потому что была женщиной. Аргументы могли считаться научными: история доказывала, что так всегда было.

Финляндию, как на краях страны, так и внутри нее, от России отделяла высокая граница. Присоединение в качестве Великого княжества к империи едва ли понизило ее. Финны, пожалуй, стали только более осведомленными о деле, когда появилась возможность полного и судьбоносного уничтожения этой границы.

Во всяком случае, фактом является то, что русский язык остался в Финляндии на положении пасынка, в пренебрежении, что, до некоторой степени, было, правда, исключительным в империи. Несмотря на предложения Армфельта и прочих государственных мудрецов, финны не учили русский язык, но, напротив, считали достойным чести поступком не учить его — в этом случае ужасная картина ассимиляции становится делом еще более далекого будущего. Принадлежность к России предлагала некоторые выгоды, по крайней мере, потенциально, но стремление к ним могли истолковывать как несущее риск будущему родины.

Исходя из этого, становится понятной знаменитая застольная речь Аугуста Альквиста, в которой он проклял как изменников тех, кто отправился в Москву стипендиатами изучать язык метрополии. Стипендии расценивались как сребреники Иуды, и московские магистры назывались иногда «кандидатами в министры статс-секретари», ведь в расположенном в столице статс-секретариате требовалось владение русским языком, на родине — почти нигде.

Принятие себя финном в том смысле, что следует отказываться от всего русского, явно не доставляло новым подданным императора каких-либо мучений. Отношение ко всему шведскому было намного более жгучей проблемой, и в кругах финляндских шведов в те дни испытывали горечь по отношению к Снелльману, который соблазнил многих соплеменников пожертвовать родным языком ради финского и финскости.

Вклад финляндских шведов в создание финскости был незаменим. Без Рунеберга и Топелиуса представить финскую идентичность затруднительно. Снелльман и Юрьё-Коскинен перешли к финскости более или менее полно. Даже труд настоящего финна Лённрота не был бы возможен без выстраивающего эту финскость круга говоривших по-шведски людей, в котором он действовал. Финская интеллигенция рождалась медленно и мучительно. В этом труде «фенноманы» вначале действовали согласованно, вне зависимости от того языка, на котором говорили. Существенным было служение народу, его введение в сферу культуры, как в целом понималось это дело еще в тот период, когда отцы-основатели финской идентичности Рунеберг и Топелиус вершили свой труд. Выдвинутое Снелльманом требование было радикальным: «один язык, один ум». Оно вызывало спор, неспроста в этой связи говорилось о «красности». Языковая борьба временами обострялась до крайности и отравляла отношения финнов десятки лет. Это определено не было видением будущего как Топелиуса, так и Рунеберга.

Что касается русской стороны, она оказалась в споре двух третьей, пожинаяющей плоды, стороной, *tertium gaudens*¹. Но сражавшиеся со шведоманами фенноманы держали дистанцию с русскими. Очень символичным представляется описание Арвидом Ярнефельтом Юрьё-Коскинена, позже возведенного императором в дворянство основателя партии фенноманов, который на вечерних приемах стремился уклониться от беседы с генерал-губернатором Гейденем, и который смеялся постоянным искусственным смехом фенноманов.

У движения фенноманов не имелось никакого намерения быть верными посылными русской культуры. Отношение к России определялось чистой политикой. Во второй половине XIX в. уже родилась финская идентичность, выстроенная в основном на созданной Рунебергом и Топелиусом основе. Она замкнула в себе как

¹Третий радующийся.

шведоязычную, так и финскоязычную культуру, обе были объединены идеей о финской нации и ее истории, которая теперь развивалась в рамках самостоятельной государственности и обособленно как от Швеции, так и от России.

Новозавоеванная страна глазами русских

Несмотря на презрение Наполеона, Россия в начале XIX столетия в значительной степени была страной европейской. В Петербурге о парижской моде знали намного лучше, чем в Финляндии, да и жили более роскошно. Более величественные дворцы трудно было найти в Европе, только разве в Париже или в Вене. Многие русские в то время чувствовали себя за границей как дома, хотя клише об очень богатом и в совершенстве владеющем французским языком расточительном русском появляется лишь несколько позже, когда стало возможным путешествовать по железной дороге.

Российская империя была не только многонациональной, но также и подлинно космополитической. Уже со времен Петра Великого в ее армии были широко представлены иностранцы. Помимо являвшихся ее подданными прибалтийских немцев в армии служило множество офицеров — швейцарцев, шотландцев, немцев и англичан, а также итальянцев и голландцев.

Представители голубой крови высшего дворянства, князья были по ту сторону границы обычным явлением, но по эту сторону — довольно большой редкостью. Великосветскому миру придавали дополнительный блеск имевшие западноевропейские корни герцоги, принцы и маркизы, не говоря уже о графах и баронах. В сражении под Руотсинсалми с российской стороны эскадрой командовал принц Нассау-Зиген¹, а легкой гребной эскадрой — итальянец граф Литта. Француз маркиз де Траверсе² был рекомендован Нассау-Зигеном Екатерине II и являлся, между прочим, начальником Роченсальмской крепости, т. е. нынешней Котки. Главнокомандующим российскими войсками был Михаил Барклай-де-Толли, предки которого были шотландцами. В его частях служил, между прочим, маркиз Паулуччи, род которого,

¹ Адмирал Карл Хенрик Николаус Отто Нассау-Зиген (1743–1808).

² Иван Иванович де Траверсе (Жан Батист Прево де Сансак, маркиз де Траверсе) (1754–1831).